

Если смотреть, долго не отрываясь, на небо, то кажется, что это не ветер гонит облака, а ты сам куда-то несёшься в неведомую даль, со страшной скоростью уносишься от родных мест, и ничто не в силах остановить этот сумасшедший полёт, от которого замирает сердце.

На обрывистом глиняном берегу Енисея, поросшем невысокой травой, стояла одинокая фигура человека с непокрытой головой, хотя осенняя верховка была жгуче-холодная, и сильные порывы гнали частую волну с белыми гребешками. Он, туго запахнув старый солдатский бушлат, стоял без единого движения, не отрываясь, смотрел на беспорядочно бегущие облака или опускал взгляд на набравшую уже осенней свинцовой тяжести енисейскую воду. Спроси в деревне про Иннокентия Константиновича Коротких — сперва будут уточняющие вопросы, потом ответят» а спроси, как найти Кешку-остяка — и никаких вопросов, все сразу понимают, о ком речь. Много лет назад, когда Иннокентий ходил в школу-интернат, в его классе было два ученика с одинаковым именем, и, чтобы не путать, они стали называться с приставками: русский белообрый мальчик — Кешка-белый, а нашего героя окрестили — Кешка-остяк. Сейчас и его можно смело назвать Кешка-белый: в его нестриженной густой шевелюре не было видно ни одного чёрного волоса. Из-за небольшого роста и сухости телосложения голова казалась несоразмерно большая, делая его похожим на гигантский одуванчик. Казалось, что налетит сейчас порыв ветра посильнее — и осыплется это серебро. Налетал порыв, который чуть шевелил живую шапку из волос Иннокентия. Было непонятно, любитесь этот человек осенней природой или кого-то ждёт, а может, и вообще стоит бездумно, не зная, чем себя занять.

Со стороны деревни к реке шёл плотный мужик небольшого роста. Хоть он был без бороды, но по мятому лицу определить, сколько ему лет, было трудно, а давно не стиранная энцефалитка делала его похожим на запившего экспедишника. Заметив Иннокентия, он отправился в его сторону. Подойдя, молча закурил. Потом, глядя на паривших против ветра чаек, спросил: «Болят?» Кешка чуть кивнул головой. «Всё пропили?» Опять еле заметный кивок согласия. «Да-а-а... — протянул осуждающе

человек. — Говорил ведь я тебе: давай сразу отоваримся на промысел, — а ты: потом мол, деньги на товарку отложил отдельную. А я чувствовал, что так всё и закончится». Он зло метнул окурок под берег. Кешка стоял молча. Его смуглое лицо оставалось безучастным. Подошедший опять стал закуривать.

Это был Анатолий, Кешкин напарник по охоте и рыбалке. Человек этот помотался на Севере по экспедициям. На словах имел кучу профессий, на деле не знал ни одной в совершенстве. Так — всё поверхностно. В посёлке одно время стояла геологическая экспедиция, в которой работал Анатолий. Потом она уехала, а ему понравился этот тихий таёжный посёлок, и он остался. Анатолий тоже любил выпить, особенно на халяву, но головы никогда не терял. Жизнь научила его быть расчётливым, и какая бы пьянка ни завязалась, он никогда не пропивал все деньги. Тайга вокруг посёлка, особенно по берегам Енисея, давно была распределена между местными жителями, и приезжому человеку почти невозможно найти участок тайги, чтобы начать охотиться. Устроившись кочегаром в школьную котельную, он потихоньку прощупывал почву среди охотников, чтобы его взяли напарником, но везде получал отказ. На близлежащие уголья хватало своих желающих. Матёрые охотники, которые уходили в дальние уголья на месяцы, сразу говорили: «Нет, мы призывкли одни, нам хватает общества собак». Известно, остался бы Анатолий и дальше жить в деревне, если бы весной пьяный Кешкин напарник не вывалился из ветки и, запугавшись в собственной рыболовной сети, не захлебнулся. Подружившись с бесхитростным Иннокентием и выручая его на похмелье, он достиг своей цели. Кешка дал согласие взять его напарником на свои родовые уголья, расположенные по обоим берегам Енисея ниже деревни километров тридцать.

Прошло несколько лет. Они привыкли друг к другу. Анатолий не борзел, не старался ухватить побольше долю от рыбалки и охоты и частенько выручал пропившегося Кешку деньгами. Оба они были несемейные и добывали почти одинаково, но у Кешки как не было мотора и лодки, так и не стало. Анатолий же потихоньку приобрёл старые моторы и лодку. В технике он разбирался, и это старьё стало служить ему исправно. Получилось

так, что безлошадный Иннокентий стал зависим от своего напарника. Заброска, бензин и отоварка продуктами легла на плечи Анатолия. Продавая рыбу на проплывавшие самоходки, он завязал знакомства с работающими на них людьми и стал готовить рыбу уже под заказ. Не ждал, как Кешка, случайных покупателей, которые иногда появлялись в деревне. В конце концов их рыбный бизнес перешёл под управление Анатолия. Это устраивало обоих. Кешка, как коренной житель из малочисленных народов Севера, имел льготы на рыбалку и охоту, и Анатолий, как напарник, тоже к ним пристроился. Бесхитростный кето торговать не умел, и у него уходило всё за бесценок. Совсем по-другому пошла торговля, когда за неё взялся прошедший огонь и воду, повидавший жизнь Анатолий. Но получаемые Кешкой от своих трудов деньги ему впрок не шли — всё пропивалось, и не столько он выпивал сам, сколько лилась она, родимая, в чужие ненасытные глотки. Анатолию давно это надоело, и относился он к Иннокентию как к чемодану без ручки — нести неудобно и бросить нельзя; без Кешки он был — пришлый, никто.

Отоварившись на Анатольевы деньги, они выехали на участок. Анатолий подрядился наловить рыбы на самоходку, которая заберёт её последним рейсом. Грузёный «Прогресс-4» потихоньку шёл вниз по течению недалёко от берега. Птица уже вылетала на галечник, и они надеялись что-нибудь добыть. Грузёная лодка чутко реагировала на перемещение груза. Собакам было на это наплевать. Они нервно ловили утренние запахи и возбуждённо перебежали с борта на борт, этим раскачивая лодку. Осень, пробуя свои краски, только чуть-чуть мазнула по осинникам и березнякам слабым цветом, а заморозки уже тут. И намёрзший иней на пожухлой траве, и над водой разбросанный клочками туман, который создавал обманное впечатление, что это пар от тёплой воды, но брызги, попадавшие на лицо, обжигали холодом.

Ровно работает мотор на средних оборотах, толкает грузёную лодку, которая создаёт сильную волну, и та с белыми гребнями с одной стороны лодки уходит на просторы реки и там постепенно затихает на широкой груди Енисея, а с другой стороны, встречая на своём пути берег, недовольно бьётся в него и брызжет пеной от негодования, что он остановил её бег. За утро видели пару глухарей, но собаки своей суетой и лаем их спугнули, так что к избушке подъехали без добычи. Сбавив обороты мотора, Анатолий осторожно подводил тяжёлую лодку к берегу. Нетерпеливые собаки, насидевшись в деревне на цепи, не дождавшись, попрыгали в воду и тащились за бортом, хлебая воду, на привязках, веселя Анатолия, который, смеясь, приговаривал: «Что, совсем нух потеряли? Вспоминайте таёжную науку».

Изба стояла к Енисею боком, смотря на его просторы большим окном с переплётами, застеклённое стеклом, а не обитое мутным целлофаном, как во многих таёжных зимовьях. Отпустив собак с привязки и оттащив на галечную косу лодку, сразу пошли осмотреть зимовье. Среди высокой травы и густого тальника выделялась набитая тропа, показывая, что гости здесь были нередки. Возле избы чернело большое кострище, заваленное обгоревшими жестяными банками. Двери были распахнуты настежь, и на пороге белел вырванной ватой полосатый матрац. В зимовье был бардак. Вся посуда и оставленная одежда валялись на полу, загаженные мышами. «Странно, что окно целое, — сказал Кешка, показывая на белые полосы от медвежьих когтей на стене. — У них это просто болезнь — ломать окна». Собаки, шарясь по кустам, выкапывали протухшие стерляжи головы. Было ясно, что здесь долго жили рыбаки-браконьеры и что после их отъезда на запах от отходов пришёл медведь. «Его и винить-то нечего, — проговорил Иннокентий. — Странно бы было, если бы он не пришёл. Спасибо, что окно не тронул». Анатолий более бурно реагировал на всё это, подкрепляя своё негодование крепкими матами и не очень хорошими пожеланиями бывшим гостям.

Весь остаток дня ушёл на уборку мусора в избушке и вокруг неё и на перетаскивание продуктов на лабаз из лодки. Вечером, когда ужинали, Анатолий достал двухлитровую банку со спиртом, немного отлил — отметить заезд на промысел — и, глядя в заблестевшие Кешкины глаза, сказал: «Не раскатывай губы. Это нам до декабря». — «Да-да, до декабря», — эхом повторил Иннокентий, кивая своей белой головой в знак согласия.

Под утро заполошно залаяли собаки. Когда Анатолий вышел на улицу, они дружно добежали до ближайших кустов, и на этом их смелый бросок закончился. Только старый Кешкин кобель Варнак убежал в тайгу, и было слышно, как его хриплый лай перемещается вслед за зверем. «Наверное, хозяин приходил, — сказал вошедшему Анатолию Кешка. — Не все, видать, выкопал захоронки рыбаков. Теперь не придёт — напугали». — «Ну и хрен с ним! — ответил Анатолий. — Кстати, ты свой новый карабин пристрелял?» Иннокентий, как коренной северный житель, получил новый десятизарядный карабин СКС. «Нет, потом пристреляю», — ответил тот. «У тебя всё на потом, — отчего-то раздражаясь, ответил Анатолий. — А потом может и не быть. Всё надо делать вовремя», — закончил он.

Сон был перебит, и они стали потихоньку собираться. Сегодня у них по плану была постановка сетей и заготовка дров из плавника, который Енисей-бабушка щедро распахал по берегам. Утро было пасмурное, обещая дождь — не тот, летний, короткий и шумный, после которого снова заиграет и польёт своё живительное

тепло солнышко и весь растительный мир оживёт, распространяя запах свежести, где каждая ветка или цветок вносит тонкую струйку своего запаха, создавая неповторимый букет, и воздух становится прозрачней, голубое небо кажется вымытым, а у далёких таёжных хребтов яснее и резче очерчиваются контуры, — но долгий, морозящий, весь день напитывающий всё, что можно, прелой сыростью и красящий в унылый серый цвет таёжный пейзаж. Погода стояла спокойная, и енисейская ширь казалась большим выпуклым озером, которое упиралось с двух сторон в поросшие тёмным лесом хребты.

Семь сетей поставили быстро, и когда ехали обратно, под большой каргой увидели утонувшие наплава́ своей поставленной сетки. Попались язь со щукой, а в конце сети, которая хватала течение, попала крупная, килограмм на пять, стерлядка. Рыбаки обрадовались: есть и собакам, и им добрый приварок. Оставшиеся собаки радостно прыгали по берегу, встречая хозяев. Только Варнак, познавший жизнь, сидел в стороне спокойно. Он давно понял, что собачьи восторги хозяева частенько не разделяют, а встречают пинком, чтобы не крутились под ногами. Анатолий взялся готовить обед. Иннокентий же пошёл с топором по берегу поискать подходящие брёвна для дров и расчистить к ним подходы. Собаки побежали с ним. Мудрый Варнак, видя, что хозяин без ружья, покорно поплёлся за ним просто за компанию. Молодые от избытка сил и воли гонялись за всем, что движется.

Пройдя метров двести самой кромкой у воды, где берег был галечный и очищен от всего хлама весенней водой, у подножия леса он увидел торчащие торцы плавника, заваленного весенним наносным хламом. Продравшись к ним через невысокие, но густые заросли тальника, переплётённые полёгшей травой, он постучал обухом топора по брёвнам. Звук был звонким — значит, не гнильё и просохли. Не спеша стал очищать место для распиловки дров. Весной сюда принесло сушину с корнями, она зацепилась за кусты и встала, как на якоре. К ней набило много хлама и несколько приличных брёвен. В самом конце, подрубив кусты, он оттащил в сторону целые пласты из переплётённых веток и травы. Вернувшись на это место, он рассмотрел засыпанную мелким хламом двухсотлитровую синюю бочку. Постучал — она была полная. Осмотрел пробку — она была герметично закручена. Тут закричал Анатолий, что обед готов и что пора возвращаться.

На очищенной от мусора площадке зимовья было уютно. Жаркими углями чуть поддымливал костёр, на котором булькала в ведре собачья еда. На столике, сделанном неизвестными рыбаками из строганых досок, стояло всё готовое. Разлитая по чашкам янтарная уха из стерлядки соблазняла своим видом и запахом. На земле рядом с костром

стоял, свистывая, большой закопчённый чайник. Кешка сел за стол и выжидающе уставился на Анатолия. Тот невозмутимо начал хлебать уху. Кешка не ел, а постукивал ложкой по краю миски. «Ладно, хрен с тобой, — наконец-то сказал Анатолий. — Под такую уху грех не выпить», — и достал из-под стола уже разведённый, заранее приготовленный спирт. Вышло по полстакана. Самое то для аппетита.

Когда отдыхали, Иннокентий рассказал Анатолию про найденную бочку. «Да-а-а, бензин был бы не лишний», — дымя папиросой и щуря от сытости и удовольствия глаза, ответил тот. Немного вздремнув после обеда, пошли смотреть Кешкину находку, взяв с собой гаечный ключ, чтобы отвернуть пробку в бочке. Выкатив её из кустов на чистое место, поставили на попа. «Ну, Кешка, молись своим богам, чтобы это был бензин, а не соляра», — сказал Анатолий, откручивая пробку. С хлопком слетела с последнего витка резьбы пробка. Анатолий с вытянувшимся лицом усиленно нюхал воздух. Потом, как-то странно посмотрев на Иннокентия, спросил: «Ты что просил у своего идола?» — «У какого идола?» — переспросил Кешка. «Ну, у своего бога». — «Ничего я не просил, — ответил, насторожившись, Иннокентий. — А что такое?» — «Ну, если меня не подводит мой нос, то это что-то спиртное», — ответил Анатолий. Кешка быстро подошёл к бочке и, сунув свой плоский небольшой нос чуть не в самую дырку, сильно втянул воздух. «Спирт! Ё-моё, точно — это спирт», — заикаясь, возбуждённо проговорил он. «Погоди радоваться, — пробурчал Анатолий, отодвигая напарника. — Может, дрянь какая на спирту. Надо проверить», — и, закрутив пробку, пошёл к избушке за ведром.

Да, это был чистый спирт. Нацедив полведра, они сидели за столом уже хорошо поддатые, ошалевшие от такого подарка, который им подкинул кормилец Енисей. Обсуждали, как с ним поступить. Рассуждал в основном Анатолий. «Литров по двадцать оставим себе. Твоя доля будет храниться у меня, а то через неделю ты уже моим спиртом похмеляться будешь. А когда под весну кончится завезённая водка в магазинах, мы откроем свою торговлю спиртным по нашим ценам». Иннокентий только поддакивал и кивал головой.

Утро. Скрипнув, отворилась дверь у зимовья. На пороге появился с опухшим лицом Анатолий. Осмотрев мутным взглядом стол, растасканные собаками неубранные чашки и котелок с оставшейся ухой, тихонько ругнулся. Подойдя к чайнику, долго пил прямо из загнутого носика. «Ведь не хотел напиваться, — думал он, — но как-то всё получилось, что не заметил, как усидели почти литр спирта. Нет, так дело не пойдёт, — решил он, — это дело надо контролировать». Кое-как растолкал Иннокентия. Попив чаю и похмелившись, они поехали проверять сети.

Рыбы попалося полтора мешка, но в основном это была чёрная рыба (щука, язь, окунь). Приехав, начали разделять рыбу, но перед этим ещё раз похмелились. Настроение улучшилось, Анатолий стал даже напевать какую-то блатную песенку. Прибрав рыбу и поджарив на постном масле щуку, сели за стол. Кешка насторожился: «Послушай, идёт моторка снизу». Теперь и Анатолий услышал звук мотора. Слышно было, что лодка пристала к их лодке. Убедившие на берег собаки подняли лай, слышались голоса. К ним поднимались два человека. Зоркий Кешка разглядел кокарду на фуражке, сказал Анатолию: «Кажется, инспекция».

Подошли два мужика: молодой с карабином, у пожилого с кокардой висела на ремне кобура. «Привет, мужики, — сказал пожилой. — Стоят ваши сети?» — «Наши», — ответил Анатолий. «Районная охотинспекция», — представился пожилой. Спросил, кто такие и есть ли разрешение на оружие, видя висевшие ружья с карабином. Анатолий сходил в зимовье и вынес нужные бумаги. Проверив, тот сказал: «Всё в порядке. Только почему стоят крупнейшие сети? Браконьерите?» Охотники молчали. «Ладно, разберёмся, — сказал старшой, потом спросил: — Можно ли у вас попить чаю и обогреться?» Анатолий обрадованно пригласил к столу. Промёрзшие гости от спирта не отказались. Застолье затянулось за полночь, и гости остались ночевать.

Первым проснулся Кешка. Слил из кружек недопитый спирт и маленькими глотками его выпил. Посидел на чурбаке, уставившись в одну точку, пока не отпустило. Потом разжёл костёр и стал собирать на стол завтрак. Уже не остерегаясь охотинспектора, достал малосольную стерлядку, почистил картошку и поставил варить. Вскоре вышел пожилой гость. Подойдя к столу, по очереди заглянул в кружки, потом спросил Иннокентия: «Что, ничего не осталось?» Тот пожал плечами. Вышел Анатолий. Было видно, что ему тоже тяжело после затяжного застолья. Взятый из бочки спирт кончился, а показывать свою находку не хотелось. Зайдя обратно в избу, он вынес привезённую из дома двухлитровую банку. Понемногу налили. Кешка не сказал, что уже похмелился, и, к удивлению товарищей, быстро опьянел. Сварилась картошка. Анатолий слил бульон и немного подсушил её на жару, от этого она стала рассыпчатой.

Охотинспектора звали Никифорович. Он тоже помотался по свету в экспедициях, так что была тема для разговора, нашлись и общие приятели и знакомые. С Анатолием они стали почти друзья. Кешка с молодым инспектором долго не сидели. Сказалось вчерашнее застолье. Быстро опьянев, ушли спать в избу. Никифорович и Анатолий, закалённые в экспедиционных застольях, просидели до обеда. Потом Никифорович стал собираться в рейд. Анатолий попытался его уговорить ещё

остаться на одну ночь, но тот был непоколебим. Растолкав молодого, они быстро собрались. Анатолий предложил им забрать оставшийся спирт, но Никифорович твёрдо отказался.

Оставшись один, Анатолий не знал, чем себя занять. Надо было проверять сети, но напарник спал пьяный. Он разжёл костёр, поставил варить собакам и, сев к столу, закурил. После застолья с разговорами он себя почувствовал одиноко, навалилась какая-то дикая тоска. Против его воли в голову лезли невесёлые мысли, что ему уже далеко за пятьдесят, а он одинок — ни семьи, ни родных. Где-то под Смоленском живёт младшая сестра, но он давно уже потерял с ней связь и не знает, где она и как живёт. Друзей тоже нет. Есть просто знакомые. Кешка? Так с ним свели обстоятельства, да они и нужны друг другу. Сколько лет они уже вместе? Лет пять, а он про жизнь Иннокентия не знает почти ничего, да и тот о жизни Анатолия ничего не знает, кроме отдельных эпизодов, связанных с пьянкой или охотой. Подняв голову, стал смотреть на небо, где бежали облака с рваными краями, принимая всякие причудливые формы, напоминающие плывущих зверей и что подскажет фантазия. В памяти всплыла песня Шевчука про осень. Последние слова из неё: «Что же будет с Родиной и с нами?» — с новым смыслом кольнули душу Анатолия. С какой-то внутренней злостью налил больше полстакана разведённого спирта и выпил, не закусывая. Пошатываясь, снял ведро с собачьей едой, постоял возле стола, глядя на оставшийся спирт, после раздумий налил ещё полстакана и выпил, опять не закусывая. Не дойдя до двери, его сильно качнуло. Последняя порция спиртного по мозгам ударила основательно. До нар добрался уже на автопилоте и рухнул на них в глубоком забытьи.

Иннокентий проснулся от какого-то непонятного звука. Лёжа, не открывая глаз, соображал. Потом до него дошло, что кто-то что-то лакал. Открыв глаза, увидел, что дверь распахнута и молодой кобель, поднявшись на задние лапы, лакает воду из чистого ведра, стоявшего на скамейке. Под руку попался точильный брусок, лежавший на столе. Бросок был точный. Собака, опрокинув ведро, с визгом выскочила на улицу. Иннокентий с удивлением глянул на лежавшего Анатолия: тот всегда спал чутко, а здесь от грохота опрокинутого ведра и визга собаки даже не пошевелился. Выспавшийся Иннокентий пошевелил головой. Вроде болит не сильно, а ощущение, что она набита плотно ватой. Поднялся и хотел поднять с пола упавшее ведро, но его вдруг повело куда-то в сторону, и если бы он не схватился за край нар, то наверняка бы упал. «Эк меня!» — удивился он. Выйдя на улицу, увидел, что опять натворили собаки. Чашки и котелки были растасканы, а стоявшее у костра ведро опрокинуто, и собачье

варево перемешалось с золой и углями. «Сами собак приучаем пакостить»,—с раздражением подумал он. Поймав крутившегося рядом молодого Анагольева кобеля, стал его тыкать носом в вылизанный котелок, приговаривая: «Нельзя, нельзя!»—и отоварил того палкой вдоль хребта. Варнак, лежавший в стороне, прижав уши, отвернул от этого безобразия морду. Кешка знал, что его старый кобель себе такой вольности не позволит, и, подойдя к нему, ласково потрепал по голове, приговаривая: «Молодых учить надо, а ты лежи, лежи!» Собрав растасканную посуду, он нашёл под столом уроненную собаками банку со спиртом, благо она была закрыта, и он не пролился.

Кешка разжёт костёр и поставил на него чайник и собачье ведро. Одному похмеляться не хотелось, и он пошёл будить напарника. Подойдя к нарам, стал его потихоньку толкать. Тот, что-то пробормотав, перевернулся со спины на бок и продолжил сон. Иннокентий стал толкать сильнее, приговаривая, что пора вставать. Анатолий продолжал лежать молча, и было непонятно, спит он или просто лежит, закрыв глаза. Кешка толкнул его посильнее с приглашением вставать и идти пить с ним чай. Вдруг Анатолий обложил его таким матом и послал его в такое место, что Кешка от неожиданности и обиды протрезвел. А обидчик продолжал как ни в чём не бывало лежать. Озадаченный Иннокентий вышел на улицу. Он так и не понял, во сне его обматерили или осмысленно. Достав солёной рыбы и хлеба с луком, он налил себе спиртного. Кешка не привык пить один. Когда выпиваешь в компании, то мысли тебя не одолевают, находится общая тема, идёт разговор ни о чём. Можно провести весь вечер, проговорив о незначительных вещах и в спорах. Но организму требовалось лечение. Кешка развёл в кружке спирт, получилась полная. «Многогато,—подумал он,—половину оставлю». Сделав маленький глоток, поморщился: крепко развёл,—и, отщипнув хлеба, закусил. Оглядел хмурую от сырости тайгу и далёкий противоположный берег Енисея. Желтеющий увядшими листьями тальник красиво оттенял черноту ельника, обрываясь на каменной корге. Кешка отхлебнул ещё из кружки и снова уставился на далёкую коргу.

Это были его родовые уголья. Он прожил здесь всю свою жизнь. Под той коргой он мальчишкой ставил с отцом сети, а за поворотом на песках стоял их брезентовый чум. Перед глазами замелькали картины далёкого детства: как он купается вместе с сестрёнками, хлопотливая мать, жарящая рыбу на рожне и пекущая хрустящие лепёшки. Сейчас никого нет. Он остался из их рода один. Отец со своим родным братом утонул. Потом от туберкулёза умерли мать и сестрёнки.

Иннокентий протёр намокшие глаза и, сделав глоток из кружки, вяло закусил. Умный Варнак

как почуял настроение хозяина. Подойдя к нему, положил морду на колени. Это так растрогало Кешку, что он отдал ему приготовленную закуску. И когда он ещё раз отхлебнул из кружки, то со страхом осознал, что родней и ближе этой собаки у него никого нет.

Кешка был тихий человек. Он никогда не спорил и не ругался, но робким его назвать было нельзя. В интернате всегда находился какой-нибудь балбес, который, видя тихого и слабосильного мальчика, выбирал его для своих насмешек и дурацких шуточек. И когда у Кешки кончалось терпение, тот неожиданно получал жёсткий отпор с царапаньем, кусанием и битьём чем попало под руку. Кешка был бесхитростным и доверчивым, чем пользовались его сверстники, ведь дети не задумываются над тем, когда поступают жестоко. Главное, чтобы было смешно. Когда он подрос, стал просто сторониться окружающих. В школе учителя поднимали тему, кто кем хочет быть. Ребятишки называли разные профессии. Это были лётчики, капитаны, геологи, меньше было врачей и учителей, и только Кешка говорил своим тихим голосом: «Буду охотником!» Как ребёнок бежит к матери, когда его кто-нибудь обидел или ему больно, так Кешка от всего уходил в тайгу. Это были недалёкие от посёлка походы, но и этого хватало, чтобы его сильнее и сильнее манила лесная жизнь со своими пугливыми и осторожными обитателями. В четырнадцать лет он напросился к промысловым охотникам, у которых уголья были недалеко от деревни, белковать. После той осени он уже не мог жить без охоты.

Иннокентий стал вспоминать, какой по счёту этот сезон. В его жизни было пропущено два или три года промысла. Кешка стал перебирать в памяти свою жизнь: вышло, где-то тридцать в восемь осеней и зим он провёл на охоте. Вспомнил Генку по прозвищу Тугун, своего бывшего напарника, который утонул пьяный. Кешка с усмешкой подумал, что было бы, если бы они с Генкой нашли бочку спирта. Вернее всего, Генка предложил бы завалить эту бочку в лодку и отвезти в деревню, чтобы устроить общую пьянку. Кешка даже тихонько захихикал, представив эту картину. Анатолий никогда это не сделает! Ишь, торговать будем. Кешка мысленно хотел представить, как он торгует спиртом. Ничего не получалось. Интересно получается, плыли в его пьяной голове мысли, я зарабатываю деньги и покупаю водку, а здесь, выходит, спирт продал—и на эти деньги снова купил водки? Зачем этот круговорот? И, взяв кружку, допил до дна. На старое такая порция спиртного подействовала оглушающе. Иннокентий сидел, опустив голову, ни о чём уже не думая, медленно проваливаясь в какое-то равнодушное забвение.

Пакостный молодой кобель Анатолия подошёл к столу и, косясь на Кешку, потянул чашку

с хлебом. Тот, услышав шум, раскрыл глаза. Схватив сковородку, постарался ударить наглеца по голове, но ушлый воруго отскочил, и Кешка ударил по банке со спиртом. Та разлетелась на осколки. Это вызвало волну какой-то оглушающей ярости, которая требовала тут же выхода. Кешка вскочил на ноги: «Убью сволочугу!» — кинулся к карабину, но, зацепившись за скамейку ногами, упал на землю, сильно ударившись. Это его почему-то успокоило. Перевернувшись на спину, он стал глядеть на бегущие облака. В голове замелькали обрывки каких-то мыслей, и он уснул пьяным сном.

Сквозь сон Анатолий услышал собачий лай. Лежал, вяло сообщая, на кого это. Вернулся Никифорович? Не должен. Тут забухал своим хриплым басом Варнак. Это сразу вывело из дрёмы. Варнак на людей не лаял, но это и не по зверю — злобы нет, подумал Анатолий. Кое-как поднявшись, вышел из избы. Увидев лежавшего на земле Кешку, почему-то напугался и подумал нехорошее. Подойдя, он понял, что тот просто пьяный. От сердца отлегло, но стало нарастать раздражение, переходящее в тихую злобу: морда немытая, нельзя оставить — сразу нажирается до беспамятства.

Собаки, не переставая, лаяли. Выйдя из-за избушки, Анатолий увидел на одинокой лиственной глухаря, обрадовался: мясо и похлёбка. Место было открытое, и на ружейный выстрел подойти было сложно. Он взял Кешкин карабин и, прислонив его к углу избушки, стал целиться. Как он ни задерживал дыхание и ни прижимал ствол к дереву, мушка ходила ходуном, выписывая восьмёрки вокруг глухаря. После третьего выстрела птица улетела. Раздосадованный охотник вернулся назад. Подойдя к столу, увидел осколки от банки: «Вот сука! Разбил, чтобы я не видел, сколько он выпил», — была первая мысль, которая подлила масла в огонь. Нет чтобы карабин пристрелять или заняться делом, так он сразу ужрался, как свин! Анатолию хотелось подойти и пнуть валяющегося на земле Кешку, но он подавил это желание. Голова трещала с похмелья. Его мутило. Посмотрел на осколки — снова стало накачивать раздражение: зачем разбивать-то? Желание похмелиться было сильное, но он понимал, что один из бочки в ведро он не нальёт — много прольёт мимо, а может вообще бочку уронить. Подумав, взял шланг, которым наливают бензин. Промыл его водой и пошёл к бочке. Набранный через шланг спирт всё равно отдавал бензином, но голову поправил. Попробовал будить Иннокентия. Тот что-то мычал, говорил: «Счас, счас поднимусь», — и продолжал лежать, не поднимая глаз. Анатолий прекрасно помнил своё недовольство, когда его поднимал Кешка, и как он его обругал. «Зря я так на него, — подумал он, сожалея о случившемся. — Дак он иначе бы не отстал! — попробовал он

оправдать себя, но это мало его утешило. — Ладно, очухается — извинюсь», — принял он решение, и на душе вроде стало легче.

Анатолий занялся хозяйственными делами, больше не трогая Иннокентия. Мысли, зародившиеся в голове о дальнейшей своей жизни, больше его не покидали. «Надо найти сестру и кончать с этой неопределённостью», — думал он. Торопливо проплывающая самоходка напомнила ему, что у него договор поймать рыбы.

Иннокентий поднялся, когда уже еле-еле просматривался противоположный берег Енисея. Молчаливый Анатолий сидел возле костра на чурке и пил чай. Иннокентий молча подкатил другую чурку и так же молча сел. Допив чай, Анатолий спросил: «Ты зачем банку разбил?» Кешка молчал, потом молча налил в кружку чай, отхлебнув, спросил: «Похмелиться есть?» Из-за того, что его вопрос остался без ответа, в Анатолии снова стало нарастать раздражение: «Вот падла, чувствует себя хозяином! А кто ты без меня? Сидел бы сейчас в деревне, жрал бы налима со своим кобелём да таскался по улице в поисках опохмелки!» Извиняться перед Иннокентием за сказанную ранее грубость Анатолию расхотелось, наоборот, мелькнула мысль: «Правильно я тогда тебя обматерил, ишь ты — хозя-я-яин!» Кешка снова спросил про спирт. Анатолий грубо ответил: «В черепках посмотри, может, что и осталось». Кешка, помолчав, коротко рассказал, как было дело. Анатолию стало как-то неловко перед Кешкой, и он всё-таки попросил его извинить. Тот как-то поморщился и, лениво отмахнувшись, как вроде от мошки, протянул: «Да-а-а ладно!» — и уставился в огонь.

Анатолий достал отлитый из бочки спирт и налил Иннокентию. Тот, взяв кружку, спросил: «А себе?» Анатолий ответил, что он уже принял и ему больше не надо, на что Кешка сказал: «Я это не видел и один пить не буду!» Чувствуя свою вину, Анатолий налил спирту и себе. Выпили. Кешка сидел молча и, не мигая, смотрел на огонь. Анатолий рассказал ему про то, как стрелял глухаря, на что Иннокентий ответил: «Налей ещё». Анатолий стал его отговаривать, что всё, хватит, у них непроверенные сети, а он договорился заготовить рыбы. Помолчав, Иннокентий сказал: «Налей! Тяжело. Мать вспомнил, отца вспомнил, сестрёнок и Марию». — «Какую Марию?» — удивлённо переспросил Анатолий. «Мою жену», — тихо ответил Иннокентий. Удивлённый Анатолий плеснул в кружку. Иннокентий, не глядя, сказал: «Лей полную!» Помедлив, Анатолий налил до краёв. Иннокентий долго держал её в руках, о чём-то задумавшись, глядя на огонь. Анатолий тоже молчал. Потом неожиданно для Анатолия тот вылил всё в костёр. Взметнувшееся высоко пламя высветило жёстко сжатые губы Иннокентия, отчего его лицо казалось суровым и жестоким. Анатолий с

удивлением и каким-то суеверным ощущением смотрел на своего напарника. Тот протянул снова кружку со словами: «Налей ещё!» Анатолий снова налил полную, но Иннокентий, сделав из неё глоток, отставил и взялся за недопитый чай.

Молчание затягивалось. Чтобы начать разговор, Анатолий спросил про Марию. Кешка ответил, что прожили с ней пять лет, потом она померла. «От туберкулёза?» — спросил Анатолий. Иннокентий отвёл взгляд от огня и стал смотреть Анатолию в глаза. Взгляд был нехороший, какой-то тяжёлый. Анатолий почувствовал себя неуютно и подвинулся к костру, вроде как поправить горевшие дрова. «Нет, — ответил Иннокентий. — Она замёрзла. Её нашли через неделю». Для Анатолия это была новость. «Где? В тайге на охоте?» — «Нет, в деревне», — тихо ответил Иннокентий и потянулся к кружке со спиртом.

Анатолий вспомнил, что не раз слышал в пьяном кругу про то, что когда-то в деревне стояла, ещё до них, геологическая экспедиция, и там молодые мужчины устраивали пьянки, спаивая женщин кето, у которых мужчины были на промысле, и что одна женщина, ушедшая от них пьяная, потерялась. Её нашли случайно — вырыли из снега собаки. Как она попала на зимний аэродром, остаётся тайной. Этим делом долго занималась милиция, но дело так и закрыли, не доказав никакого преступления.

«Её убили такие, как ты!» — вдруг выдал Иннокентий. Анатолий ошарашенно смотрел на него, не понимая смысла обвинения. «Как это? Объясни!» Иннокентий, отхлебнув спирта, снова молча смотрел на огонь. «Нет, ты объясни! — стал заводиться Анатолий. — А то укусил — и в сторону! Если сказал „А“, говори и „Б“, — добавил он. «Вы! Русские! Везде лезете! Учите всех, как надо жить!» — снова выдал Иннокентий, отчего у Анатолия от удивления открылся рот. «Как это?» — спросил он. «А так! — ответил Кешка. — Жили мы по своим обычаям и законам. Потом нам сказали: неправильно живёте! Надо жить вот так! Детей стали забирать в интернат, учить нас ненужным нам наукам, учить русский язык и вашу историю. А своё мы стали забывать. Затем стали делать из нас скотников, пилорамщиков, после интерната в тайгу вернулись немногие, а из женщин никто. Всем стало нравиться жить в посёлке, а вот этим (он поднял кружку со спиртом) вы лишаете нас ума и добиваетесь чего хотите». И, сделав глоток из кружки, замолчал, снова уставившись на огонь.

Анатолий, озадаченный таким поворотом, тоже молчал. Он даже представить себе не мог, что у этого вроде как неграмотного остяка такое скрыто в душе. Ему казалось, что в деревне у Кешки одна проблема — где достать водки, а охотится и рыбачит для того, чтобы было на что купить этого пойла. Задумавшись, Анатолий тоже себе налил и выпил, потом сказал: «Слушай, чем ты недоволен?

Тебе дали охотучасток, у тебя льготы, ты можешь бесплатно добыть лося, тебе вот карабин дали». — «Мне вернули часть того, что у меня отобрали», — резко ответил Кешка, снова озадачив Анатолия. Помолчав, Анатолий снова сказал: «Но ведь вы жили в тайге и ничего, кроме охоты и рыбалки, не знали, а сейчас ты многое узнал. Я слышал, что когда ты был молодым, то брал в библиотеке книги и много читал. У тебя расширился кругозор».

Кешка молчал, потихоньку прихлёбывая чай. Костёр догорал, жар красивыми красками метался по раскалённым углям, между которыми трепетали синие язычки. Кинув полено в костёр, от которого поднялся сноп искр, он витиевато спросил: «Зачем знать рыбе, как живёт собель? И сейчас я не так же рыбаку и охочусь, как мои предки! Все эти блага, которые предоставила моему народу власть, его уничтожили. Я знаю, как жили в Древней Греции и Риме, но мне в школе никто не говорил, как жили мои предки. Что я знаю, так это я нашёл и прочитал из книг, но этого мало, и это я сам захотел узнать!» Обычно говоривший тихим голосом Кешка сказал это резко. Анатолий понял, что это был крик души, к которой Кешка никого не подпускал, оберегая её от разных благодетелей. Не зная, что сказать, Анатолий стукнул своей кружкой по Кешкиной и молча выпил. Они ещё какое-то время сидели молча, каждый думая о своём.

Костёр разгорелся. Анатолий изредка поглядывал на отрешённое лицо товарища, которое то освещалось светом костра, то снова уходило в темноту, не решаясь его отвлечь от тяжёлых мыслей. «У нас завтра рабочий день», — наконец сказал он, вроде ни к кому не обращаясь. «Иди ложись», — ответил Иннокентий, — а я ещё немного посижу». Помолчав, добавил: «Пить не буду. Вот чай допью, и всё».

Под утро Анатолий проснулся от какого-то шума. Лежал, соображая, что это — дождь или ветер. По крыше застучало. «Ветер, это он ветки с осины обламывает», — догадался он. Накинув на плечи телогрейку, вышел на улицу. Дул прямой запад. «Всё! Хана сетям, — пронеслось в голове. — Так укатает и забьёт мусором, что и не поднимешь. Вот и наготовили рыбы», — съязвил он про себя. Раздосадованный, он, зайдя в зимовье, зажёл лампу. Кешка тоже не спал, лежал молча, слушая непогоду за стенами. Когда рассвело, они пошли на берег. Енисей, тяжело поднимая большую волну, с силой бросал её на галечный берег. Ударившись, она, обессиленная, с шипением сползала назад, но неведомая сила её снова гнала и била о камни.

«Что, Иннокентий, сможем отойти от берега?» — спросил Анатолий. Кешка, пожав плечами, неопределённо ответил: «Попробовать можно!» Развернув лодку носом на волну, подтащили её к воде. Анатолий стал заводить мотор на берегу,

чтобы заполнить топливную систему и чтобы на воде не было лишних хлопот с мотором. Взревевший мотор он тут же заглушил. Раскатали болотные сапоги, поставили вёсла в гнёзда, чтобы было всё готово к борьбе с волнами. Кое-как столкнули «Прогресс», который сразу занырял носом и попытался выскочить обратно на берег, но рыбаки дружно налегли на вёсла, и тот нехотя стал удаляться от прибоя. Отойдя приличное расстояние от берега, Анатолий отдал второе весло Кешке, а сам кинулся заводить мотор. Впопыхах не заметил, как ногой сорвал резиновый шланг с бачка. Мотор, немного поработав, заглох. Широкий «Прогресс» сильно парусил, и слабосильный Иннокентий не мог противостоять разгулявшейся стихии. Возвысившийся с мотором Анатолий упустил момент, когда ещё можно было отгрести от берега, и, как они ни махали, напрягаясь, вёслами, их выкинуло на берег. Пока поднимали мотор, им нахлестало пол-лодки воды. Сняв мотор и крепко привязав к камням затопленную лодку, они, мокрые и недовольные, пошли обратно к избушке.

Кешка сразу затопил печь и стал развешивать мокрое бельё. Анатолий же, сбросив сырое, залез в спальник отогреться. Когда вскипел чай, сели за стол. Открыли сгущёнку, достали хлеб и сливочное масло. Кешка выпил спиртное просто так. Анатолий налил его в горячий чай, чтобы хорошенько согреться. Ветер пригнал тучу, и по крыше забарабанил дождь. Хорошо в такую погоду в тёплом и сухом зимовье. Печь, потрескивая дровами, равномерно отдаёт тепло. Собаки заглядывают в открытую дверь в ожидании какого-нибудь лакомого кусочка, брошенного хозяином. Хорошо, уютно. Непогода за окном и наполненная спиртом банка на столе располагали к разговору.

Анатолий рассказал смешной эпизод из своей экспедиционной жизни, как они глубокой осенью утопили на таёжном озере трактор, и начальник пообещал ящик водки тому, кто нырнёт в холодную воду и зацепит трос. Анатолий вызвался, и не потому, что ему нужна была водка, — ему захотелось погеройствовать перед смазливой поварихой. Ползая под водой вокруг трактора, он нацеплял на себя водорослей и тины. Трос он зацепил, но когда вынырнул, весь облепленный зеленью, грохнул дружный рёв. Смеялись все. Поварихин смех звенел среди хриплого хохота. Когда он по льду вылез на берег, его стала бить крупная дрожь, не помог и спирт. Повариха увела его на кухню в свой тёплый балок. Там быстро вскипятила чай, бухнула в него спирту и укутала Анатолия в тулуп. Он быстро опьянел. Скванность и робость прошли, и его язык заработал так, что он сам себе удивлялся. Остроумные шуточки, комплименты и так далее. С Варей они задружили. Она его выделяла среди других мужиков, которые вились вокруг неё, как комары. Потом прилетел вертолёт и привёз

обещанный ящик водки. День был выходной, и мужики быстро организовали стол. Начиналось всё хорошо — чествовали героя. Когда хорошо подпили, вспомнили про Варю. Анатолий сказал, что сейчас её приведёт. Она была в балке — одна и читала книгу. Анатолий развязно сказал, что мужскому обществу не хватает женщины, на что Варвара сказала: «Без женщин начинали, без них и заканчивайте». Слово за слово — разругались, и она его выставила на улицу. Он ей сказал какую-то пошлость, она молча захлопнула дверь. Как он потом ни каялся, она осталась непреклонна. Недели через две она сошлась с молодым геологом. Анатолий затосковал, уволился и уехал.

«Жалеешь?» — спросил Иннокентий. «Да как тебе сказать? Были у меня потом бабы, почти всех забыл, а она иной раз приснится — и такая тоска нападёт». И, помолчав, добавил: «Сам дурак!» Иннокентий, задумавшись, сказал: «А мне Мария часто снится. А если долго не снится, я беспокоюсь, что она меня забыла». Анатолий долго смотрел на Кешку, потом спросил: «У тебя другие женщины были?». — «Нет, — ответил он и спросил: — А зачем?» — «Ну как, мужику нужна баба», — засмеялся Анатолий. «Она была мне не баба, а друг, она всё понимала». — «Она была красивой?» — снова спросил Анатолий. «Не знаю, она была мне другом. А красивый друг или нет — какое это имеет значение?» — «Да-а-а, Кешка, странный ты человек, — протянул Анатолий. — Давай выпьем за них, ведь как ни крути, а без них не очень-то хорошо. Чувствуешь себя обделённым простым человеческим счастьем». И, разлив по кружкам, не чокаясь, выпил одним большим глотком. Иннокентий, помедлив, тоже молча выпил. Проспали почти весь день.

Проснувшись, увидели, что ветер запал. Растревоженный Енисей ещё качал волнами, но было видно, что он уже не сердится, а просто не может успокоиться сразу. Световое время позволяло, и они, отчерпав воду из полузатопленной лодки, сплавали и снимали сети. Сильной волной их поприбивало к берегу, забило и спутало с палками и всяким мусором. Сетей получилась полная лодка. Анатолий пошутил: «Ну вот, сразу и дров привезём». Сети свалили прямо на берег, выбрав из них рыбу. Стемнело, и заниматься сетями стало нельзя. Поднявшись в зимовье и попив чаю, легли каждый на свои нары. Спать не хотелось. Пить спирт тоже не было желания. Они лежали в темноте молча, каждый думая о своём.

Рано утром их разбудила воющая с реки сирена. Подошло какое-то судно. Выскочив на берег, Анатолий увидел стоящую на якоре самоходку «Колхозница». Это с её экипажем он договорился заготовить рыбу. «Некрасиво получилось, — сказал он Кешке. — Рыбы-то не приготовили». — «Возьмут в другом месте», — спокойно ответил Иннокентий.

От судна отошла лодка и направилась к ним. Из подплывавшей лодки здоровенный парень заорал: «Эй, бичи таёжные, принимайте гостей!» Гостей было три человека. Увидев кучу сетей с мусором, тот же парень с хохотом сказал: «Это ты нам рыбой приготовил?» — «Нету рыбы. То рыбнадзор, то непогода. Не получилось», — ответил Анатолий. Мужики, вытащив лодку, подошли, поздоровались за руку. «А на стол-то хоть есть что поставить? А то жрать охота, аж негде переночевать», — сострил один из них. «Найдём. Сперва рыбалка пошла, а потом появилась рыбоохрана», — кривя душой, оправдывался Анатолий. Толпой поднялись до зимовья. Зайдя в избушку и увидев банку на столе, один из гостей её открыл и потянул носом. «Вот она, родимая, и рыбалка, и рыбнадзор», — насмешливо сказал он. «Да вчера сети снимали, промокли», — ответил Анатолий, — немного выпили для сугреву». — «Ну что, мужики, — сказал здоровый парень, ставя две бутылки на стол, — тащите малосол». Иннокентий сбегал за рыбой, а Анатолий быстро отварил вермишели, слил с неё воду, перемешал её с разогретой тушёнкой и луком на сковороде. Что для пятерых мужиков литр водки? Разлили и остатки спирта из банки. Хозяин самоходки, пожилой мужик с бегающими хитрыми глазами, сказал, что ему очень нужна рыба для своих дел, он обещал людям. У них есть несколько дней в запасе, и они останутся порыбачить сами ихними сетями. Анатолий, чувствуя свою вину, сказал: «Да оставайтесь, рыбачьте, и ночевать места хватит». Потом осёкся под внимательным Кешкиным взглядом.

После застолья пошли разбирать сети. Пять сетей разобрали довольно быстро. Стянув через край порванные места, двое гостей с Анатолием поехали их ставить. В остальные сети набило лиственных и еловых веток, и они распутывались плохо. Здоровый словоохотливый парень и Иннокентий остались их довести до ума. Парня звали Валентин. Он пытался начать с Кешкой разговор, но односложные ответы Иннокентия «да», «нет» отбили желание у него разговаривать. Они молча приготовили сети и пошли к избушке. Кешка поставил варить собакам и чайник на костёр. Валентин спросил: «У вас ещё выпить есть?» Иннокентий сказал, что надо спрашивать у Анатолия. Ему не хотелось показывать найденную бочку. Валентин ушёл в зимовье и, найдя старые журналы, завалился на нары. Иннокентий остался возле костра. По всему было видно, что чужим людям он не сильно рад, и его задело, что Анатолий, не посоветовавшись с ним, по-хозяйски распорядился насчёт гостей.

Вернулись рыбаки. Тепло одетый Анатолий не спешил отойти от лодки, что-то там переставлял и наводил порядок. Гости в лёгких осенних куртках, прибежав, жались, трясаясь, к костру. Пожилой

гость говорил, постукивая зубами: «Ведь вроде северок тянет не сильный, а на ходу пробирает до костей. Кажется, что и волосы на голове трясутся от холода». Иннокентий молча налил им по кружке горячего крепкого чаю. Мужики, облапив красными руками кружки, их отогревали, потихоньку отхлёбывая кипяток.

Поднялся к зимовью Анатолий. В руках он нёс полную банку со спиртом. Мужики сперва не поняли, что это, но когда Анатолий стал разводить его водой, они оживились. Пожилой радостно постучал зубами: «Так-так-так, это дело». Вышедший из избы Валентин, увидев банку, заорал: «Кэп! Я знаю, это у них не последняя!» Перекусив и хорошо выпив, Анатолий с Валентином уехали поставить оставшиеся сети. Когда вернулись, то от спирта в банке почти ничего не осталось. Оставшиеся на месте гости сидели напротив друг друга и что-то громко доказывали один другому. К удивлению Анатолия, Кешка сидел возле костра почти трезвый. С возгласом: «Вот черти!» — промёрзший Валентин подошёл к столу и, вылив в кружку почти всё содержимое из банки, никого не приглашая, выпил. «Ты что это так?» — раздражаясь, спросил его Анатолий. «Замёрз я сильно! Ты-то видишь как тепло одет, а у меня куртка на рыбьем меху. Да я знаю, у вас ещё этих банок напаянато», — с нагловатой усмешкой сказал он. Двое сидевших за столом, явно ничего не понимая, смотрели на них мутными глазами. Анатолий сел за стол и начал есть. С холода хотелось выпить, но не хотелось показывать бочку со спиртом. Анатолий попросил Иннокентия затопить в зимовье печь, рассчитывая, что Валентин уйдёт в тепло и тогда он сходит за спиртом. Так оно и получилось.

Когда Валентин вышел из тёплого зимовья и увидел налитый в банку спирт, с усмешкой сказал: «Ну, я же говорил!» Разведя спирт и нарезав хлеб с рыбой, Анатолий пригласил его к столу. Тот охотно сел. «Кеш? Ты будешь?» — крикнул Анатолий. Кешка, не оборачиваясь, помотал отрицательно головой. «Чего это твой остяк брезгует нашим обществом?» — насмешливо спросил Валентин. Анатолий молча смотрел на него. Тот взгляда не отводил, сидел выжидающе, с нагловатой пренебрежительной улыбкой. «Ты знаешь что? — раздельно произнёс Анатолий. — Не зарывайся и не ищи на задницу приключений». — «Всё-всё», — театрально выставив руки, ответил Валентин. Кешка, подойдя к столу, сам себе налил, молча выпил и снова отошёл к костру. Обстановка стала какая-то напряжённая. Валентин это почувствовал и сказал: «Всё, хорошо!» Выпил почти полную кружку. Разговор не клеился, Анатолий удивился, что Валентин пил спиртное как воду, большими дозами, и не пьянел. Он сказал ему об этом, на что тот хвастливо ответил, что может пить всю ночь и его ещё никто не перепил. Потом, взяв банку

в руки, покрутил её, внимательно рассматривая. «А баночка-то всё та же», — сказал он, указывая на скот стекла по краю. «Ну и что?» — спросил Анатолий. «А то! — торжествующе ответил тот. — Где-то у вас канистра со спиртом запрятана». — «Если и запрятана, тебе-то что?» — спросил Анатолий. «Как что?! — воскликнул Валентин. — Значит, гуляем!» — «Всё, отгуляли. Это последняя», — ответил, поднимаясь из-за стола, Анатолий. Закрыв крышкой банку, он демонстративно убрал её под стол, давая этим понять, что застолье закончилось.

В зимовье чадила жирным дымом керосиновая лампа, от которого ламповое стекло стало чёрным, и поэтоу свет пропускала тусклый. Стоял тяжёлый запах перегара, перемешанный с запахом непрогоревшей соляры. Всё помещение сотрясал разнотонный храп. От затопленной ранее Иннокентием печки зимовье сильно прогрелось, и от всего этого было душно и жарко. «Разве здесь отдохнёшь? — подумал Анатолий. — Как-то нескладно всё получается. И этот Валентин ведёт себя по-хамски. Надо его всё-таки поставить на место, а то совсем борзеть начнёт», — укладываясь на нары, решил он.

Ночь прошла в какой-то полудрёме. Анатолий иногда проваливался в короткий сон, но бормотание и храп гостей снова его будили. Он слышал, как заходил Иннокентий и, забрав свой спальник, сшитый из собачьих шкур, снова вышел наружу. Анатолий догадался, что тот будет спать на свежем воздухе. «Мне тоже надо было уйти под лабаз. Там место сухое», — вяло подумал он.

Вчерашний северный ветер за ночь навёл порядок на небе, вымел начисто лохматые неопрятные тучи, которые шли несколько дней, цепляясь за вершины высоких сопок, оставляя на сучковатых листьях свои лохмотья. Выглянувшее из-за далёкого мыса солнышко, кажется, замерло от неожиданности, что Енисей так изменился. От зеркальной поверхности воды отражались синее небо и ошетилившиеся елями тёмные хребты, а над водой короткими языками плыл белый туман.

Гости, кроме Валентина, мрачные сидели за столом. Иннокентий сидел возле костра, ждал, когда закипит чайник. Подошедший Анатолий пошутил: «Что, кто-то умер?» Капитан ответил: «Пока нет, но вот-вот. Выручай». Анатолий заглянул под стол. Вчерашней банки не было на месте. «А где Валентин?» — спросил он. Мужики пожалы плечами. «Кеш, ты не в курсе, куда гость потерялся?» — спросил он у молчавшего Иннокентия. «Он ночью ходил по берегу с фонариком. Потом столкнул лодку и на вёслах уплыл, наверное, на самоходку. Там слышался стук о борт», — ответил Иннокентий. «Да, мужички, тут баночка оставалась, а теперь её нет», — глядя на мужиков, сказал Анатолий. «А этот боров её видел?» — спросили они. «Да, я при нём её закрыл и поставил под стол». — «Ясно!

Козёл! Он ведь пока всё не выхлебаёт, не успокоится! И ведь говорили ему по-хорошему, и побить грозилась. Трезвый вроде соглашается, что не прав, а как за воротник попало — опять за своё. И что за лошадиное здоровье у человека!» У костра послышался дребезжащий звук — это запрыгала крышка на закипевшем чайнике. «Ну что, мужики? Пьём чай — и по сети? А то часам к одиннадцати колыхнёт север Енисей-батюшка. Это он под утро затих, а днём раскачает», — сказал Анатолий. Гости молчали. Потом один просящим голосом спросил: «Что, действительно ничего не осталось? Нам не пьянства ради, ведь всю лодку обрыгаем. Если есть, то налеп немного поправить голову».

На берегу загремели о лодку вёсла. Послышался шум вытаскиваемой на галечник лодки. Все молча ждали появления Валентина. С кривой улыбочкой он подошёл к столу и поставил пустую банку. «Ты что, Валентин, опять за старое?» — недовольным голосом спросил капитан. «Да какая-то тоска навалилась. Вы все спите, а я тут один, как в попе дырочка, ну и не удержался», — ответил провинившийся совсем не виноватым голосом. Все сидели молча. Кешка поставил горячий чайник на стол и хотел кинуть туда заварку, но Анатолий остановил его. «Пойдём, Кеш, со мной. Поможешь! Придём, потом свежего попьём». Взяв чистое ведро и банку, они пошли к лодкам. Налив немного спирта и набрав в ведро воды, они вернулись.

Похмелившись, мужики ожили. Начались какие-то разговоры, но Анатолий прекратил это дело, сказав, чтобы они ехали и проверяли сети. «Ценную рыбу забирайте себе, а остальную нам. Вон сколько лохматых дармоедов бегаёт, — кивнул он на собак. — Вы поезжайте на своей лодке, а мы не поедем, нам надо готовиться к промыслу. Время идёт».

К лодкам спустились вчетвером. Иннокентий не пошёл. Когда гости столкнули свою лодку, залезший в неё капитан напустился на Валентина: «Ты зачем из-под воды чистые канистры сюда приволок?» Валентин, как-то вскользь глянув на Анатолия, ответил: «Так, решил воды из ручья набрать». Анатолий по этому быстрому взгляду почувал что-то нечистое. Жизнь его по экспедициям выработала в нём интуицию на всяких мутных людишек, и он ей доверял. Анатолий сказал капитану: «Если ветер будет набирать силу, то сети лучше снять, а то их снова забьёт мусором, а когда он вечером западёт, то на ночь снова поставить».

Когда лодка отошла, Анатолий пошёл снова к зимовью. Они с Иннокентием решили посвятить день заготовке дров. Взяв что нужно для этой работы, они пошли к бочке со спиртом, где рядом были и принесённые весенней водой боланы. Подойдя к бочке, Анатолий стал заправлять бензопилу горючим. Кешка стоял рядом, посматривая по сторонам. Его что-то заинтересовало, и он подошёл

к большому плоскому камню. Потом позвал Анатолия. Тот, оставив пилу, подошёл. Иннокентий указал на лежавший на большом камне другой камень, плоский и клиновидный, сказав: «Раньше его здесь не было. Это не ты его положил?» — «Нет, — ответил Анатолий. — Зачем мне это?» — «Странно. Ты не ложил. Я тоже не ложил. А как он здесь оказался?» — задумчиво спросил Кешка. «Да пойдём, хватит хернёй заниматься», — пробурчал Анатолий, берясь за бензопилу, но Кешка задумчиво стоял у камня. Анатолий смотрел на него выжидающе, когда тот бросит созерцать этот булыжник. Вдруг Иннокентий, взяв этот камень, подошёл к бочке и, вставив узкий конец в пробку, как отвёрткой, её легко открутил. «Вот для чего лежит тут этот камень», — сказал он Анатолию. До Анатолия дошло, что Валентин ночью всё-таки нашёл эту бочку, и сразу вторая мысль промелькнула: а не под спирт ли он приготовил канистры? Точно, под него. Вот проныра сволочная! Он рассказал Иннокентию про канистры, тот с ним согласился и, размахнувшись, закинул камень в воду. Когда заканчивали с дровами, вернулись рыбаки. Хоть по Енисею стала ходить порядочная волна, сети они не сняли, объясняя тем, что в уловах, где стоят ловушки, она почти не доходит. «Дело ваше, — сказал Анатолий, — сети чистить вам».

Рыбы попало неплохо. Анатолий выбрал крупную стерлядку на уху и здорового налима на жарёху. «Как такой кабан попал в восьмидесятку? — удивился он. — Килограмм на восемь-девять потянет». — «Да он и не в сеть попал, — ответил Валентин, — а заглотив окуня. Так его с ним и успели выдернуть. Он уже в лодке от него отцепился. Вот до чего доводит жадность», — назидательно закончил он. Анатолий многозначительно поддакнул: «Да-да, она до добра не доведёт», — и в упор посмотрел на Валентина. Тот отвернулся, как вроде ничего не понял.

Поднялись к зимовью. Рыбаки сразу разлили остатки спиртного на всех. Получилось по полкружки. Выпили, закусили кто чем мог. Анатолий сказал: «Идите прибирайте рыбу, я буду готовить обед. Иннокентий, ты вари собакам». Все разбрелись, стали заниматься делом. Когда Анатолий стал чистить рыбу и кинул отходы в собачий таз, то подумал, что мужикам тоже надо отнести посуду, чтобы они тоже собирали туда головы и кишки. Он сказал про это Иннокентию, и тот понёс таз к рыбакам. Придя, сказал, что два мужика там, а Валентина нету. «Вот ты посмотри на него! — в сердцах сказал Анатолий. — Как пакостливый кобель вокруг мяса на лабазе». Кешка молчал. «Ну пусть думают, что мы ничего не замечаем, — сказал Анатолий. — Но если что, то я ему устрою козью морду!»

Обед был готов, мужики закончили свою работу и подошли к костру все трое. Что-то, а готовить

Анатолий умел. Он сам про это знал и говорил, что страсть к скитаниям погубила великолепного повара. Проголодавшиеся мужики совали к костру красные носы и, втягивая аромат ухи, от удовольствия кричали. «Ну, кушать готово, садитесь жрать», — сказал он словами из известного фильма. Валентин показал глазами на банку и сказал: «Хозяин! Такой обед — и как без этого?» Остальные тоже уставились на хозяев зимовья. Анатолий догадался, что все знают про бочку. Он взял ведро и, позвав капитана, пошёл с ним и налил, не жалея, с запасом. Капитан не стал разыгрывать удивление, сказал, что им про него рассказал сегодня Валентин. Вернувшись, сели за стол. Подождали, когда спирт хорошо перемешается с водой, определяя это, тихо постукивая по банке обухом ножа. Когда звук перестал быть глухим, разлили по кружкам. Все были голодные и, выпив, ели жадно и молча. Потом выпили ещё. Уже между хлебаниями ухи начал завязываться разговор, но как-то рассказывал и спрашивал почти один Валентин.

Когда доели уху, Анатолий поставил на стол большую чугунную сковороду, где лежали аппетитно поджаренные куски налима. «Да под такую закусь ведро спирта нужно выпить», — заорал возбуждённо Валентин. «Только не чужого», — ответил Анатолий. Валентин ничего не ответил на эту колкость, а, взяв банку, разлил по лошадиной дозе во все кружки, потом, взяв свою, молча выпил, сел, закурил, и когда прожевал — сказал Анатолию: «А он и не твой, этот спирт. Ты что, его купил, что ли?» Анатолий сразу стал как-то вроде подпружиненный, весь подобрался и, глядя сузившимися глазами в глаза Валентина, отдельно сказал: «Я, может, его и не покупал, но ты на него рот не разевай, а то можешь поперхнуться».

Валентин, наливаясь краской, стал медленно подниматься с лавки. Анатолий сидел всё в той же позе, смотря в глаза противника. Валентин, видать, привык, что противник пасовал перед его огромной тушей, и когда поднялся, решил хорошенько пугануть зарвавшегося мужичка. Резко поднял свою лапу над головой Анатолия, но тот, прошедший по экспедиционным пьянкам и вообще побывавший в переплётах, был не из пугливых. Тяжёлая чугунная сковорода ребром резко вошла Валентину в пах. Тот от неожиданной боли согнулся. От второго удара по голове уже дном сковороды завалился за лавку. Над столом торчали носки его сапог сорок седьмого размера. Держа за деревянную ручку сковороду, Анатолий ждал, но Валентин лежал спокойно. Молчание было недолгим. Первый с матами подал голос капитан, что, дескать, допились, и, встав, начал тормозить Валентина. Второй, прикрикнув на собак, которые кинулись собирать разлетевшиеся куски жареного налима, стал собирать их сам.

Кешка отошёл в сторону избушки, где висело оружие. Стоял, молча наблюдая за происходящим. Наконец Валентин замыкал, затряс головой, потом поднялся. Сел за стол, ни на кого не глядя. Посидел молча, видать, полностью приходя в себя. Взяв банку, сделал из неё крупный глоток. Никто ничего не говорил. Анатолий подошёл к костру, из чайника налил кипятка в сковороду и ушёл в сторону вроде как её помыть. За стол он потом не вернулся, а ушёл в избушку.

Гости остались сидеть за столом. Раза два ещё разливали по кружкам и выпивали. Потом капитан сходил к Анатолию в избушку и сказал, что они, наверно, сейчас соберутся и отправятся дальше, в сторону своего дома. «Дело ваше»,— ответил Анатолий. «А как быть с рыбой?»— спросил капитан. «Ну как? Что наловили, то и забирайте». Капитан помялся, что-то ещё хотел спросить, но, видно, так и не решился, ушёл. Зашёл Иннокентий, сказал, что мужики забирают всю рыбу, и ловленную для собак тоже. Анатолий ответил: «Кешка, хрен на них и на эту рыбу, лишь бы они скорее исчезли отсюда. Что мы, рыбы не поймаем, что ли?» Кешка согласно кивнул головой, что да, поймаем. «Кеш, сходи, понаблюдай за ними, а то эти канистры не дают мне покою». Кешка молча вышел. Через какое-то время зашёл и сказал, что лодка отошла к самоходке, но перед этим Валентин ходил к бочке со спиртом и принёс оттуда пустые канистры: видать, они были где-то рядом спрятанные. «Пойдём, Кешка, к столу, выпьем с тобой, а то ощущение, как будто в дерьме вывалился».

Они вышли, сели за стол. Было слышно, как заработал дизель на самоходке. Выбралась якорная цепь. Выпив, они пошли посмотреть, как уйдёт самоходка. Из-за кустов было видно, как она с работающим двигателем идёт самосплавом вниз по течению. Неожиданно внизу взревел лодочный мотор и сразу заглох. Выскочив из-за кустов, они увидели самоходскую лодку с одним человеком, который ковырялся с мотором. Бочки на берегу не было. «Кешка, быстро за карабином»,— сказал Анатолий, а сам побежал к своей лодке. Давай её

сталкивать, но обратил внимание, что в ней нету бачка с бензином. Посмотрел в кубрике—там тоже его не было. «От суки! Специально спрятали, чтобы не догнал!» В это время завёлся вражий мотор, и Анатолий увидел за лодкой большой бурун воды. «Валентин тащит бочку на прицепе»,— догадался Анатолий. Выбежал Кешка с карабином, который сразу догадался, в чём дело. Давай торопить: «Давай, давай быстрее, догоним». И побежал к лодке. Подошедший Анатолий объяснил: «Бачок спрятали, а может, и с собой увезли». Валентин, видя, что они стоят возле своей лодки и ничего не предпринимают, встал и, показав им непристойный жест, прощально помахал рукой.

Кешка вдруг бегом кинулся к крутому берегу. Анатолий недоуменно смотрел ему вслед: что с ним? Кешка, забежав повыше, развернулся и поднял карабин. До Анатолия дошло, что Иннокентий забежал повыше, чтобы изменить угол удара пули о воду, чтоб не рикошетила. Раз за разом ударили десять выстрелов, поднимая возле тащившейся бочки фонтанчики. «Молодец, Кешка»,—радостно подумал Анатолий. Валентин засуетился в лодке и, сбавив скорость, отскочил от мотора. Иннокентий не спеша загнал вторую обойму и—видать, уже для собственного удовольствия,—давай обстреливать лодку. Он стрелял не по лодке, а вокруг неё. Хорошо было видно, как пули поднимают вокруг лодки прозрачные брызги. Валентин упал на дно лодки и не показывался. Было видно, что продырявленная бочка затонула. Кешка развернулся и пошёл к зимовью. Постояв ещё немного и понаблюдав за лодкой, Анатолий тоже поднялся.

Кешка сидел на лавке, положив карабин рядом на стол. Подойдя, Анатолий постоял, потом, достав ведро с оставшимся спиртом, перелил его в банку. Вышло ровно два литра. Посмотрел на Кешку и сказал: «Это нам до декабря». Кешка как-то легко засмеялся и, закивав головой, повторил: «Да-да, до декабря»,—чем рассмешил Анатолия, и они, глядя друг на друга, продолжали смеяться, чувствуя, что с этой минуты у них стало совсем другое отношение друг к другу.